

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

Политическая роль духовенства.

Пустынный островъ. Мракъ. Слышится шумъ морскихъ волнъ и свистъ бури. Съ зловѣщими звуками пролетаютъ птицы. По камняхъ среди лѣса идетъ толпа слѣпыхъ, ища солнца, тепла, тишины. Есѣ вель священникъ, но теперь куда то исчезъ. Несчастные слѣпые забеспокоились. Со страхомъ спрашиваютъ они другъ у друга: куда ушелъ священникъ? Одинъ слѣпой дѣлаетъ зловѣщее предположеніе. „Слишкомъ старъ, говоритъ слѣпой, становится онъ. Съ нѣкотораго времени онъ самъ, кажется, ничего не видитъ. Онъ не хочетъ лишь сознаться въ этомъ изъ боязни, что кто нибудь займетъ его мѣсто. Но я подозреваю, что онъ почти ничего не видитъ“.—Гдѣ же онъ? Не можемъ же мы вѣчно ждать. Зачѣмъ онъ насъ выводитъ на солнце, которое мы не видимъ? Слепые узнаютъ наконецъ, что ихъ священникъ умеръ. Въ ужасѣ они начинаютъ вопить. Но вотъ одинъ изъ нихъ ощупываетъ что то живое. Въ восторгѣ онъ кричитъ толпѣ: А! Собака! Намъ не нужно другого проводника. Пойдемте!

Въ этой символической картинѣ изъ драмы Метерлинка мы видимъ нѣкоторое отраженіе судьбы нашего (и не нашего только) духовенства. И оно стало плохо видѣть, и оно потеряло пути къ солнцу и теплу. Съ какой стороны свѣтитъ солнце, оно конечно не забыло; но имъ забыты тропинки, ведущія на солнечный просторъ. Оно знаетъ, какъ надо жить по—евангельски, по божественному, но не умѣетъ указать тѣхъ посредствующихъ ступеней, какія среди жизненныхъ скалъ, пропастей и ущелій постепенно вели бы человѣче-

ство къ неосуществимымъ на землѣ идеаламъ. Оттого призывъ къ идеаламъ у него звучитъ какъ приглашеніе лѣзть къ небесамъ. Оно хотеть улучшить человѣчество сразу на 100%; а какъ улучшить его на 1%, оно не знаетъ. Пока русскіе люди жили по указкѣ, не смѣли, а въ большинствѣ случаевъ и не хотѣли думать самостоятельно, духовенство и съ своимъ догматическимъ символомъ вѣры, съ своею такъ сказать астрономическою моралью, не переставало быть хотя бы видимымъ проводникомъ ихъ. Но теперь, когда все сознательно и самостоятельно стали вдумываться въ жизнь, духовенство и само, повидимому, поняло, что оно недостаточно хорошо видитъ, что его мѣсто готовы занять другіе, именно тѣ, которые нашли секретъ улучшить человѣчество не на 100, а на 1 процентъ.

До послѣдняго времени наше духовенство занимало дипломатическую позицію невмѣшательства въ общественную и государственную жизнь. Дипломатія эта была настолько груба и неискусна, что едва ли могла вводить кого-либо въ заблужденіе. На самомъ дѣлѣ, еслибы какой аскетъ, изможденный страдалецъ говорилъ бы намъ: не прилѣпляйтесь къ благамъ мірскимъ, не бойтесь нищеты, униженія и страданій; во имя Христа съ радостью несите свой крестъ, ищите новыхъ подвиговъ; ими возвышается духъ, укрѣпляется вѣра и т. д., мы съ уваженіемъ склонили бы голову передъ такимъ проповѣдникомъ, хотя можетъ быть и нашли бы его одностороннимъ. Но когда это самое говоритъ намъ пастырь, пользующійся всеми благами, даже комфортомъ, то впечатлѣніе получается необыкновенно комичное. Разумѣется, наше духовенство не на столько наивно, чтобы не знать той элементарной истины, что, если Христосъ, признавъ за человѣкомъ право на земное благополучіе, вынудилъ каждому своему послѣдователю въ непремѣнную обязанность заботу о матеріальныхъ нуждахъ своихъ ближнихъ, то борьба съ бѣдностью и угнетеніемъ во всѣхъ его видахъ есть прежде всего долгъ пастырей. Его удерживало отъ этой борьбы нежеланіе вѣчно быть въ состояніи тренія, неохота абстрактныя евангельскія идеи, ни для кого не обидныя, переводить въ жизненныя, практическія требованія, для многихъ весьма невыгодныя.

Теперь положеніе вещей видимо мѣняется. Надвигающаяся

жизнь вынуждает наше духовенство сойти съ его удобной позиціи. Въ немъ загорается понемногу жажда живой правды Христовой, рѣшимость послужить бѣдному народу, вывести его изъ рабства и нищеты. Въсто прежнихъ ничего не дававшихъ елейныхъ словъ о духѣ мира и любви, по мѣстамъ оно намѣчаетъ уже рядъ практическихъ реформъ, запечатлѣнныхъ истинно христіанскимъ духомъ. На него уже устремляется бдительное око охранителей власти и порядка. Полиція и казаки, эти киты нашей бюрократіи, начинаютъ находить въ средѣ его свои жертвы ¹⁾. Духовная власть простираетъ на него свою карающую десницу ²⁾. Все это го-

¹⁾ *Русскимъ Вѣдомостямъ* (23 янв.) объ арестѣ священника с. Тарабановой валуйскаго уѣзда о. Іоанна Мерецкаго сообщаютъ слѣдующее.

О. Іоаннъ пользуется уваженіемъ не только среди своихъ прихожанъ, но его знали въ уѣздѣ, на благочинническихъ, уѣздныхъ и губернскихъ епархіальныхъ сѣздахъ какъ человѣка, всегда отстаивающаго интересы низшихъ и говорящаго „правду“ открыто. Когда въ с. Тарабанову явился приставъ съ казаками для ареста, то прихожане ударили въ набатъ, собралась толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ и заявила, что она не отпуститъ своего пастыря. Только благодаря самому о. І. Мерецкому арестъ обошелся мирно. На другой день въ Валуйкахъ уже начали ходить слухи, что крестьяне трехъ селеній, — Тарабановой, Ураевой и Саловки, — придутъ освобождать своего батюшку. Дѣйствительно, около полудня въ городъ явились крестьяне до 2-хъ тысячъ съ хоругвями и пѣніемъ „Спаси, Господи, люди твоя“ и направилась къ тюрьмѣ. Къ нимъ присоединились городскіе любопытные, изъ пригородныхъ слободъ и т. п. Помощникъ исправника, боясь разгрома тюрьмы и не имѣя въ распоряженіи защиты (казаки куда-то были высланы изъ города), сталъ по-очереди выпускать арестованныхъ. Первымъ былъ выпущенъ о. Іоаннъ Мерецкій; его радостно привѣтствовали. Онъ просилъ дѣйствовать не насиліемъ, а просьбами. Затѣмъ стали выпускать другихъ арестованныхъ въ послѣдніе дни, и появленіе ихъ среди присутствующихъ вызывало радостные крики „ура“. Затѣмъ толпа уже въ нѣсколько тысячъ отправилась съ хоругвями и пѣніемъ „Спаси, Господи, люди твоя“ и „Боже, Царя храни“ на городскую площадь. Здѣсь о. Іоаннъ, получивъ ризы и иконы изъ городского собора, отслужилъ молебенъ; пѣлъ хоръ городскихъ пѣвчихъ, собравшихся по своему почину и предложившихъ свои услуги. Послѣ молебна происходилъ митингъ, и часть арестованныхъ затѣмъ разошлась, но о. Мерецкій остался на площади; его окружала толпа, мирно стоявшая съ хоругвями. Вдругъ появились казаки, приготовились стрѣлять, но ограничились нагайками... Свящ. Мерецкій вновь арестованъ.

²⁾ *Русскимъ Вѣдомостямъ* телеграфируютъ изъ Харькова: 18 января въ *Волги* приведенъ подлинный указъ, отстраняющій священниковъ Купленскаго, Шаповалова, Флилевскаго и Григорьева отъ служенія. Эти

ворить за то, что духовенство наше прозрѣваетъ, ищетъ новыхъ путей, хочетъ быть дѣйствительнымъ проводникомъ народа.

Гдѣ же тотъ путь, которымъ оно должно идти само и вести народъ? Его найти не трудно. Онъ лежитъ въ срединѣ между нашими консервативными въ сущности манчестерскими партіями, партіями господствующихъ и привилегированныхъ классовъ, у которыхъ „православіе“ и прочія громкія слова служатъ лишь прикрытіемъ девиза *laissez faire* и средствомъ къ охранѣ ихъ привилегированности (истинное православіе прежде всего должно было бы склонить къ заботамъ о бѣдномъ классѣ, чего у нихъ однако нѣтъ), и между крайними партіями съ ихъ несколько заманчивыми, настолько и утопичными идеалами, подъ ореоломъ высокой гуманности скрывающими отрицаніе религіи и морали. Это путь борьбы съ бѣдностью и угнетеніемъ, путь служенія слабымъ, обездоленнымъ, безправнымъ. Къ этому пути ближе всего стоитъ партія конституціонно-демократическая. Въ ея основу положена вполне христіанская идея, что государство обязано не только защищать и ограждать своихъ членовъ, но и положительнымъ образомъ помогать имъ, особенно же наиболѣе слабымъ изъ нихъ. Въ программѣ этой партіи нѣтъ мѣста узкимъ, классовымъ интересамъ. Она запечатлѣна, какъ справедливо замѣтилъ проф. Милюковъ, „характеромъ внѣклассоваго, идейнаго движенія“ и потому можетъ служить для нашего духовенства хорошимъ руководствомъ въ его общественной и политической дѣятельности.

Мы не хотимъ сказать однако, что духовенство должно примкнуть къ партіи конституціоналистовъ-демократовъ. Для него остаются двѣ возможности, пожалуй болѣе удобныя, чѣмъ формальное присоединеніе къ одной изъ существующихъ партій. Оно можетъ во-первыхъ оставаться внѣ всякихъ партій и въ тоже время свое нравственное воздѣйствіе направлять къ осуществленію тѣхъ самыхъ цѣлей, какія указаны въ программахъ партій конституціонно-демократической и близкихъ къ ней. Въ такомъ случаѣ оно естественно должно подавать свой голосъ за кандидатовъ

именно священники высказались въ *Воинѣ* противъ смертной казни. Указъ обвиняетъ ихъ въ сочувствіи революціи.

этихъ именно партій. Во - вторыхъ оно можетъ образовать особую партію, которая вмѣстѣ съ политическими и социальными ставила бы себѣ и религіозно - нравственные цѣли. Образование такой именно христіанской партіи естественно вызывается самымъ характеромъ политической дѣятельности духовенства, видящаго въ ней лишь средство къ осуществленію евангельскихъ завѣтовъ.

Подобныя христіанскія партіи существуютъ едва ли не во всѣхъ христіанскихъ странахъ. И если въ нихъ встрѣчаются иногда отталкивающія черты (напр. преобладаніе клерикальных интересовъ, антисемитизмъ и др.), то несомнѣнно есть и такія, которымъ можно и поучиться. Чтобы дать представленіе о характерѣ и дѣятельности существующихъ на Западѣ христіанскихъ партій, достаточно остановиться на католической партіи въ Бельгіи. Эта партія, какъ извѣстно, является самой сильной политической партіей Бельгіи. Главный секретъ ея силы заключается въ томъ, что она сумѣла сдѣлаться выразительницей нуждъ и стремленій народныхъ массъ, стать на защиту ихъ интересовъ. Выставивъ въ своей программѣ социальныя реформы въ демократическомъ духѣ, она не ограничилась подобно либеральной партіи громкими обѣщаніями и парламентской борьбой, но обратилась къ народнымъ слоямъ и для улучшенія ихъ благосостоянія создала массу такъ называемыхъ *oeuvres sociales*, т. е. экономическихъ и общественно-благотворительныхъ учреждений. Уже въ 1856 году филантропическій конгрессъ провозгласилъ нѣкоторыя изъ такихъ реформъ, которыя осуществляются лишь въ наше время. Дѣятельность католиковъ среди рабочихъ начинается еще съ 1854 г. Въ этомъ году въ темномъ погребкѣ одной брюссельской улицы нѣсколько рабочихъ, собранныхъ священникомъ Ванъ-Калуномъ, положили основаніе обществамъ св. Франсуа-Ксавье, которыя въ началѣ нашего вѣка насчитывали 354 общества, 67.198 взрослыхъ рабочихъ и 8.240 подростковъ. Помимо чисто религіозныхъ цѣлей эти общества преслѣдуютъ и экономическія задачи, образуя синдикаты, сберегательныя кассы и т. д. Въ 1867 г. священникъ Струйфъ положилъ начало Федерациі бельгійскихъ католическихъ рабочихъ обществъ. Сначала она состояла изъ 5 обществъ, а въ 1872 г. имѣла свыше 55000 рабочихъ. Задачей Федерациі было достиженіе „народныхъ

свободѣ“ и проведеніе социальныхъ реформъ. Въ 1891 г. она преобразовалась въ демократическую лигу, положившую въ основу своей дѣятельности принципы папской энциклики „*Requis poenitentium*“. Лига имѣла въ послѣднее время до 300 обществъ съ 90.000 членовъ. Во главѣ всего этого движенія стоятъ католическіе епископы. Они созываютъ католическіе съѣзды и председательствуютъ на нихъ. На первомъ конгрессѣ въ Мехельнѣ (1864 г.) главное мѣсто было отведено социальному вопросу подъ рубрикой „дѣла благотворительности“. Здѣсь въ бесѣдахъ затрагивались вопросы объ организаціи современной промышленности, о положеніи женщинъ—рабочихъ, о взаимномъ вспоможеніи, объ ассоціаціяхъ и т. д. Въ слѣдующемъ году сюда прибавляется новый отдѣлъ „христіанской экономіи“. На 3 конгрессѣ въ Мехельнѣ (1867 г.) рабочій вопросъ дѣлается уже предметомъ формальныхъ дебатовъ, касающихся женскаго и дѣтскаго труда, необходимости содѣйствовать „учрежденіямъ предусмотрительности“ и постройкѣ рабочихъ жилищъ. Четвертый конгрессъ въ томъ же городѣ, состоявшійся въ присутствіи 2.500 членовъ, высказывается за производительныя товарищества среди земледѣльцевъ и за систему участія въ прибыляхъ, рекомендуетъ устраивать повсюду антисоціалистическіе кружки. Послѣ 1895 г. социальной программой католиковъ становится организація профессиональных союзовъ, вознагражденіе за увѣчья, умѣренная регламентація труда. Въ мехельнской программѣ, выработанной въ 1896 г. комитетомъ изъ епископовъ и свѣтскихъ людей, главными пунктами являются образованіе обществъ, состоящихъ изъ рабочихъ и хозяевъ, призывы къ хозяевамъ объ улучшеніи матеріальнаго и моральнаго положенія ихъ рабочихъ. Профессиональныя католическія организаціи имѣютъ своей характерной чертой участіе въ нихъ какъ рабочихъ, такъ и хозяевъ. По мнѣнію католиковъ, „наиболѣе христіанскимъ является смѣшанный союзъ, гдѣ патронъ братается съ рабочимъ“. Замѣчательно, что во время всеобщей стачки въ 1893 г. тѣ фабрики, на которыхъ работали члены католическихъ синдикатовъ, продолжали идти полнымъ ходомъ. Такое явленіе повторяется часто, напримѣръ во время большой стачки въ Шарлеруа, гдѣ христіанскій синдикатъ „Свободныхъ углекоповъ“ отдѣлился отъ всей рабочей массы.

Такую же энергичную дѣятельность проявляютъ католики и въ деревнѣ, среди крестьянъ, относящихся къ своимъ священникамъ съ большимъ довѣріемъ. Если нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ деревнѣ не существовало почти ничего, кромѣ нѣсколькихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, лишенныхъ почти всякаго значенія, то теперь, можно сказать, нѣтъ почти ни одной захолустной деревушки, гдѣ не было бы какого-нибудь общества или союза. И главнымъ вдохновителемъ ихъ является вездѣсущій и всемогущій кюре. Въ 1899 г. по статистическимъ свѣдѣніямъ въ бельгійскихъ деревняхъ существовало: 152 сельско-хозяйственныхъ общества съ 25.746 членами и бюджетомъ въ 248.484 фр., 607 свободныхъ синдикатовъ съ 49.284 членами и бюджетомъ въ 62.230 фр., 509 обществъ страхованія скота съ 47¹/₂ милл. фр. застрахованнаго капитала, 199 кассъ Райффейзена съ 7.812 членами и 2 милл. фр. вкладовъ и многое множество другихъ обществъ и союзовъ пчеловодства, птицеводства и т. д. Большинство изъ нихъ основаны кюре, и священники состоятъ ихъ предсѣдателями ¹⁾. Такова дѣятельность бельгійской католической партіи. Для нашего духовенства она во многихъ отношеніяхъ поучительна. Тѣхъ, кому она показалась бы слишкомъ мелочной и ничтожной, мы попросили бы вернуться къ началу нашей замѣтки.

Союзъ христіанской политики.

Если не первая, то одна изъ самыхъ первыхъ попытокъ образовать политическую партію съ характеромъ христіанскимъ принадлежитъ проф. Булгакову. Въ своей статьѣ „Неотложная задача“, помѣщенной въ *Вопросахъ Жизни* (1905. IX) и изданной затѣмъ отдѣльной брошюрой, онъ проектируетъ созданіе христіанскаго кружка подъ названіемъ „Союза христіанской политики“, задача котораго вліять на общественную жизнь въ истинно христіанскомъ духѣ. Этотъ проектъ заслуживаетъ полнаго вниманія не только по важности и жизненности своей идеи, но и потому, что принадлежитъ человѣку широкой образованности, главное же, знатоку соціальныхъ наукъ и въ тоже время убѣжденному

¹⁾ См. Государственный строй и политическія партіи въ Западной Европѣ. Сборникъ статей. Т. I. Стр. 275—303. Статья Ю. Стеклова.

христіанину. Считаемоъ поэтому полезнымъ поближе познакомиться нашихъ читателей съ мотивами и цѣлями проектируемаго „Союза“.

Приближается время политической агитаціи, говорить С. Н. Булгаковъ, когда въ народную жизнь сразу хлынетъ цѣлый потокъ новыхъ идей, программъ, настроеній. вмѣстѣ съ политическими и социальными программами будутъ пропагандироваться различныя системы и общаго міровоззрѣнія, съ которыми эти программы неразрывно связаны. Политическая агитація явится такимъ образомъ школой не только политическаго, но и религіозно-нравственнаго воспитанія народа. Это особенно надо сказать о социализмѣ. Общая философская почва, на которой выросъ современный социализмъ, есть атеистическій гуманизмъ, религія безъ Бога и противъ Бога. А между тѣмъ въ немъ есть великая жизненная правда. Фактически ему одному принадлежитъ пока монополія искренней защиты трудящихся классовъ и отстаиванія социальной правды. Напротивъ христіанство, наше официальное „православіе“ все еще стоитъ на сторонѣ реакціи, деспотизма, социального и экономическаго гнета. Тамъ Христова правда социальной жизни соединяется съ теоретическимъ безбожіемъ, здѣсь практическое безбожіе выдается за ученіе Христа. Какая великая опасность скрывается здѣсь для христіанства, понятно само собою. Что же дѣлать? Задача ясна. Надо уничтожить монополію современнаго язычества на общественность, надо вернуть христіанству ея жизненное значеніе, ея жизненную правду. Христіанство должно опредѣлять всю человѣческую жизнь отъ перваго крика до послѣдняго дыханія. Для него нѣтъ нейтральныхъ областей, какъ нѣтъ границъ для Бога. Общественный и политическій индифферентизмъ, возведенный въ принципъ, есть столько же безнравственное, сколько утопическое міровоззрѣніе. Христіанская политика есть жизненное осуществленіе завѣтовъ Христа. Въ чемъ долженъ заключаться идеаль христіанской политики, ясно само собою. Это идеаль любви и свободы. Этому идеалу должно подчинять постепенно и государственнаго Левиаѳана, всѣ вышнія, политическія и юридическія отношенія. Постепенное упраздненіе насилія, деспотизма, бюрократической опеки и развитіе самоуправленія и общественнаго самоопредѣленія—

вотъ главнѣйшія задачи христіанской политики. Но если съ христіанской точки зрѣнія недопустимо порабощеніе политическое, то еще менѣе простительно порабощеніе экономическое. А между тѣмъ существующій теперь капиталистическій, какъ и всѣ ранѣе бывшіе, способъ производства основанъ на порабощеніи человѣка человѣкомъ. Отсюда одною изъ главныхъ задачъ христіанской политики должно быть стремленіе къ уничтоженію этой коренной неправды капиталистическаго строя, къ осуществленію коммунизма или коллективизма, озарявшаго лучшія времена первыхъ вѣковъ христіанства. Правда социалистическій строй самъ по себѣ еще не осуществляетъ любви, но онъ имѣетъ громадное отрицательное значеніе: онъ устраняетъ одно изъ главнѣйшихъ препятствій къ любви, одну изъ могущественныхъ причинъ ненависти. Въ этомъ смыслѣ классовая политика, направленная на защиту рабочихъ массъ, есть единственно возможная форма христіанской политики. Можно признать классовую политику, оставаясь на почвѣ христіанства, отвергая этику и философію марксизма. Что касается теперь практической программы христіанской политики, то ее слѣдуетъ прямо взять изъ программы нашихъ социалистическихъ партій. Надо лишь быть выше ихъ партійныхъ разногласій. Впрочемъ по рабочему вопросу сторонникъ христіанской политики можетъ одинаково подписаться подъ программами социаль-демократической и конституціонно-демократической партій, существенно не разнящихся между собой. По аграрному вопросу дѣло представляется труднѣе. Съ религіозно-этической точки зрѣнія земля Божья, а не помѣщичья, и должна быть въ распоряженіи того, кто надъ ней трудится. Но въ качествѣ практической программы на первыхъ порахъ слѣдуетъ ограничиться требованіемъ к.-д. партіи о принудительномъ отчужденіи части частновладѣльческихъ земель. Не ограничиваясь указаніемъ общихъ задачъ христіанской политики, авторъ даетъ въ концѣ брошюры и подробную программу „Союза“. По недостатку мѣста не имѣя возможности познакомить съ ней нашихъ читателей, мы отсылаемъ ихъ къ брошюрѣ автора, которую особенно хотѣли бы рекомендовать нашему духовенству.

Вполнѣ цѣняя идею проф. Булгакова, мы считаемъ себя обязанными однако сдѣлать возраженіе противъ одного до-

вольно существеннаго пункта его программы, именно противъ внесенія въ нее соціалистическихъ идеаловъ.

По мнѣнію автора, осуществленіе коллективистическаго строя возможно помимо нравственнаго обновленія человѣчества. Авторъ думаетъ, что сначала должна быть уничтожена собственность, а потомъ, когда такимъ образомъ устранится одна изъ главнѣйшихъ причинъ ненависти, явится возможность осуществить христіанскую любовь. Вотъ буквальный его слова. „Стремленія къ уничтоженію коренной неправды капиталистическаго строя, которыя въ общемъ и цѣломъ объемлются понятіемъ соціализма или коллективизма, должны быть безъ колебанія включены въ требованія христіанской политики. Общность имуществъ, коммунизмъ, озаряетъ лучшія времена первыхъ вѣковъ христіанства, и этотъ порядокъ долженъ быть признанъ нормой имущественныхъ отношеній. Конечно есть существенная разница между христіанскимъ коммунизмомъ первыхъ вѣковъ, который основывался на союзѣ любви, касаясь преимущественно потребленія, но не организаціи производства, и теперешнимъ соціализмомъ, стремящимся къ внѣшнему устройству производственныхъ отношеній, механическому урегулированію и примиренію интересовъ. Однако если это урегулированіе, введеніе соціалистической формы производства еще и не осуществляетъ само по себѣ любви между людьми, то, безспорно, устраняетъ одну изъ могущественныхъ причинъ къ ненависти, заключающуюся во внѣшнихъ формахъ человѣческихъ отношеній, уничтожаетъ одно изъ важныхъ препятствій, мѣшающихъ сближенію людей между собой. Внѣшній механическій соціализмъ самъ по себѣ, конечно, вовсе не имѣетъ того перерождающаго значенія, которое приписывается ему сторонниками экономическаго матеріализма (надо постоянно и со всею энергіею на это указывать), онъ есть только отрицательное средство, но и чисто отрицательное, освободительное значеніе его настолько велико, что задачи его должны быть признаны весьма существенными. Требования коллективизма должны быть поэтому цѣликомъ включены въ задачи христіанской политики“. Такимъ образомъ коммунизмъ представляется у автора не слѣдствіемъ и выраженіемъ нравственнаго единенія людей, но его средствомъ и условіемъ. Таковую точку зрѣнія нельзя признать христіанской. Уничто-

женіе частной собственности, независимое отъ нравственной эволюціи человѣчества, возможно лишь путемъ насилія, путемъ революціи, кровавой или „мирной“—все равно. Но христіанство ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить такого средства. Оно можетъ производить лишь революцію чувствъ и идей, но не формъ. Оно создаетъ какъ вѣшнія, такъ и внутреннія формы жизни совершенно свободно. Оно говоритъ богатому: иди, продай имѣніе *твое* и раздай нищимъ. Но оно не сказало и не могло сказать бѣдняку: иди, продай имѣніе *его* и раздай нищимъ. Оно проповѣдуетъ не отнятіе собственности, а отреченіе отъ нея. Послѣднее должно быть исполнѣ свободнымъ. Но свободное отреченіе предполагаетъ нравственное перерожденіе человѣка, оно можетъ быть лишь слѣдствіемъ любви. Отсюда христіанскій коммунизмъ можетъ осуществиться лишь одновременно съ нравственнымъ возрожденіемъ людей. Общеніе въ имуществѣ предполагаетъ единеніе душъ и сердець. Другого коммунизма христіанство не знаетъ. Едва ли къ лицу онъ и Союзу христіанской политики. Быть можетъ впрочемъ авторъ предполагаетъ возможность такой эволюціи въ правовыхъ понятіяхъ, благодаря которой всѣ люди, не исключая самихъ собственниковъ, совершенно свободно вычеркнуть изъ деклараціи правъ человѣка право частной собственности. Но такое предположеніе для настоящаго времени является чистой утопіей и во всякомъ случаѣ не входитъ въ расчеты современнаго социализма, возлагающаго свои надежды на диктатуру пролетаріата. Допустимъ однако, что человѣчество, закрывъ глаза на требованія христіанской морали, путемъ революціи добилося бы обобществленія средствъ производства. Что же далѣе? Авторъ думаетъ, что тогда была бы устранена одна изъ главныхъ причинъ ненависти. Но не преувеличивается ли здѣсь, какъ и у представителей экономического матеріализма, роль экономического фактора въ исторіи нравственнаго развитія человѣчества? Съ этической точки зрѣнія, эксплуатація, вражда, антагонизмъ классовъ имѣетъ свою основную причину не въ томъ или другомъ способѣ производства, а въ нравственныхъ свойствахъ человѣческой природы, по отношенію къ которымъ способъ производства является скорѣе средствомъ, чѣмъ причиной. Если такъ, то слишкомъ мало основаній предполагать, что съ уничтоженіемъ капитализма

человѣчество не отыщетъ другихъ столь же вѣрныхъ путей къ проявленію своего эгоизма. Не говоря далѣе о томъ, что при отрицаніи теоретическихъ предпосылокъ марксизма наступленіе коллективистическаго строя является весьма и весьма сомнительнымъ, что этотъ строй по самой своей природѣ, поскольку несомвѣстимъ онъ съ индивидуальной свободой, едва ли можетъ служить благопріятной почвой для нравственнаго прогресса, мы не можемъ не замѣтить, что maximum и minimum программы „Союза христіанской политики“ въ сущности взаимно уничтожаютъ другъ друга. На самомъ дѣлѣ вся надежда на осуществленіе социалистическихъ идеаловъ помимо нравственнаго возрожденія челоуѣчества покоится на убѣжденіи, что по мѣрѣ развитія капитализма будетъ обостряться постепенно классовый антагонизмъ, противоположность классовыхъ интересовъ, будетъ обостряться до тѣхъ поръ, пока не вызоветъ окончательной катастрофы. Ясное дѣло, что всякія социальныя реформы, клонящіяся не только къ подготовкѣ революціи, какъ у строгихъ социаль-демократовъ, но и къ дѣйствительному улучшенію быта трудящихся классовъ, должны смягчать классовый антагонизмъ, служить его громоотводомъ; и чѣмъ онъ шире и успѣшнѣе, тѣмъ болѣе будетъ сглаживаться противорѣчіе классовыхъ интересовъ, тѣмъ утопичнѣе становится коллективистическій идеаль. Принципъ: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, составляетъ сущность какъ философскаго обоснованія современнаго социализма, такъ и его истинной тактики. Но онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принципомъ христіанской политики и не мирится съ предлагаемыми у автора демократическими реформами, съ minimum его программы. Вотъ почему мы считаемъ излишнимъ maximum требованийъ, выставленныхъ проф. Булгаковымъ въ программѣ „Союза христіанской политики“. Во всѣхъ остальныхъ пунктахъ съ христіанской точки зрѣнія она вполне приемлема и заслуживаетъ полнаго сочувствія.

В. Мышцынъ.

24 Января.
